

Цуй Се сделал пару шагов вдоль чужой кровати, сначала убедившись, что одежда не расползётся, а полы не запутаются в ногах, и только потом едва заметно улыбнулся и напевно произнёс:

— Лишь истинный герой верен себе, лишь настоящий мудрец от природы благороден.

Кто именно это сказал, он и сам не помнил — какая-то известная цитата, — однако новые однокашники застыли от изумления. Студент Гоцзыцзянь средних лет, который первым подшучивал над ним, со вздохом молвил:

— Молодой да ранний талант! А ведь мне не следовало судить по одежке. — И спросил: — Разрешите узнать ваше имя, почтенный друг? Вы приписаны как обучающийся по чиновничьей выслуге, по милости императора Хунчжи или же из числа цзюйжэней?

Обучающимися по чиновничьей выслуге называли детей сановников, зачисленных в Гоцзыцзянь согласно уставу; обучающимися по милости — тех, кто поступил по особому указу императора Хунчжи, в основном детей военных и гражданских чинов, погибших на службе; а из числа цзюйжэней — тех цзюйжэней, которые не попали в число трёх высших степеней на столичном экзамене, но числились во втором списке. Все, кого распределили в Зал Чэнсинь, уже свободно владели канонами. Поступивших за зерновой взнос тут почти не водилось, а те, кто пробился по выслуге лет в провинциальных школах, были не моложе тридцати, а то и все сорок-пятьдесят.

Глядя на юный возраст Цуй Се, никто и помыслить не мог, что он пробился из какого-нибудь уездного или окружного училища.

Цуй Се скромно ответил:

— Некий Цуй поступил по милости, однако не благодаря заслугам предков, а удостоившись особой милости императора Хунчжи...

Члены его семьи, к слову, были вполне живы, так что выражать соболезнования ученикам не требовалось.

Студенты только-только прибыли в столицу и не владели свежими вестями. Они и понятия не имели, что перед ними вундеркинд, снискавший благосклонность императора, и решили, будто у двора случился какой-то радостный повод или же его родные преподнесли благие знамения, за что юношу и наградили.

В Гоцзыцзяне хватало отпрысков знати и родни императорского дома; были и те, кто попал сюда за ратные подвиги при разгроме разбойников, и даже те, кто побывал в плену у татар, но сумел умыкнуть коней и сбежать обратно, за что и получил награду... Так что способам поступления никто не удивлялся. Расспрашивать дальше не стали: переодевшись и назвав друг другу имена, все вернулись слушаться наставлений учебного инспектора.

Чжу Инь, увидав, что новички одеты опрятно, выправку имеют приятную и выглядят бодро, как и подобает студентам Гоцзыцзяня, слегка кивнул и строго произнёс:

— Правила в нашем заведении суровые. Это вам не уездные да окружные училища, где можно было приходить и уходить когда вздумается. Отныне отметку о присутствии следует делать утром и вечером, а в журнале занятий обязательно расписываться за всё, что было прослушано, прочитано и выучено за день, дабы проходило проверку. В обычное время вам надлежит усердно учиться в учебном зале, разгуливать по улицам за пределами академии

строго воспрещается!

Группа студентов внизу покорно закивала.

Учебный инспектор Чжу добавил ещё несколько строгих замечаний касательно дисциплины, после чего велел слуге позвать четырёх старшекурсников. Представив их новичкам, он произнёс:

— Сии четверо — дежурные старосты на сегодняшний день. В каждом учебном зале Шести залов Биюна есть свой староста, и ежедневно четверо из них сменяют друг друга на дежурстве, дабы следить за вами. Впредь чистописание и чтение канонов будут проверять старосты. Соблюдайте порядок, не смейте преступать правила и шуметь. Тех, кто станет устраивать гвалт в учебном зале, писать небрежно или не полностью заучит и истолкует текст, ждёт наказание под начальством старост.

Наказания в Гоцзыцзяне отличались от училищ в уездах и округах: там палками били, только если провалишь ежегодный экзамен до четвёртого разряда, а здесь за малейшую провинность могли отвесить «десять горячих ударов».

Новички затрепетали от страха перед суровостью кары и мрачным ликом учебного инспектора. Однако четыре старосты давно привыкли к подобным зрелищам. Улыбнувшись за спиной инспектора в знак утешения, они подошли и повели пополнение показывать помещения в восточном и западном крыле.

Зал Шуайсин, Зал Чэнсинь и Зал Чунчжи находились на востоке, и в каждом было по одиннадцать учебных залов. Из новичков никого не зачислили сразу в Зал Шуайсин; почти все — одиннадцать человек — попали в Залы Чэнсинь и Чунчжи, и двое старост повели их к месту. Ещё трое или четверо, продвинувшиеся исключительно благодаря возрасту и полузабывшие каноны, были отправлены в три западных зала учиться с самых основ.

Староста Зала Чэнсинь, Ли Чжэнь, подвёл шестерых новичков к учебному залу и, указав на одиннадцать классов, сказал:

— Впредь, за исключением дней общих лекций в лекционном зале, после утренней проверки вы будете заниматься здесь. Ежедневное задание включает переписывание образов каллиграфии не менее чем на двести иероглифов, заучивание и изложение по сотне иероглифов из «Четверокнижия» и своего основного канона, а также изучение «Шоюань», сводов законов и указов. Каждый месяц проводятся экзамены: по одному толкованию смысла канонов и «Шу», а также два задания на выбор из указов, манифестов, судебных решений, докладов, рассуждений о политике или трактатов.

Старшие студенты в зале как раз занимались чтением. Увидев новичков, они с любопытством вытянули шеи. Ли Чжэнь помахал им рукой, указал новичкам на более свободный учебный зал, приглашая войти, и достал расписание занятий, чтобы те его переписали.

В этот день было тринадцатое число четвёртого месяца — день заучивания наизусть. Завтра, четырнадцатого, намечалась общая лекция, а пятнадцатого — выходной. После возвращения ещё два дня на зубрежку, один день на самостоятельное повторение прочитанного на лекции, затем снова два дня зубрежки, опять лекция наставников, два дня повторения... И так по кругу.

По подсчётам выходило, что в месяц на общие лекции отводилось шесть дней, на повторение — восемь, на зубрежку — четырнадцать, а остальные два дня были выходными. Такой ритм учёбы казался даже более размеренным, чем у современных студентов!

Переписав расписание, Цуй Се мысленно вздохнул с облегчением: отныне он сможет заучивать тексты и делать письменные задания в академии, а дома полностью посвятит себя рисованию! Обычное и подарочное издания «Троецарствия» застряли на одиннадцатом томе, и если не выпустить продолжение, читатели скоро придут ломать ему двери!

Ему казалось, что он сидит сзади и его витание в облаках никто не заметит. Однако юноша пусть и не выделялся ростом, от природы обладал весьма яркой внешностью: среди ряда тридцати-сорокалетних провинциалов шестнадцатилетний свежий юнец бросался в глаза сразу. Староста с первого же взгляда заметил его задумчивость.

Ли Чжэню перевалило за сорок, и его собственные племянники с сыновьями были примерно того же возраста, что и Цуй Се. Увидев, как тот тихо вздыхает, староста словно разглядел в нём родного сына и не удержался от доброго слова:

— Заданий в Гоцзыцзяне хоть и много, но если приложить усердие, со всем можно справиться. Мы, старосты, такие же студенты, как и ты, а не наставники. Если допустишь малую оплошность, никто не станет тебя сразу наказывать.

Цуй Се опешил, и лишь мгновение спустя понял, что староста ошибочно принял его вздох за кручину об обилие уроков. Признаваться в правде он не смел, потому лишь послушно склонил голову и ответил:

— Староста совершенно прав. Я обязательно буду учиться со всем усердием, дабы оправдать милость императора Хунчжи.

Староста Ли с одобрением кивнул и отправился в соседний учебный зал за журналом занятий, чтобы новички расписались.

Шестеро новичков по очереди расписывались в журнале. Цуй Се бегло окинул страницу взглядом: его разум моментально превратил данные в мысленный PDF-файл, отпечатав в памяти имена почти сотни студентов Зала Чэнсинь.

Он расписался последним и вернул журнал старосте. Ли Чжэнь произнёс:

— Вы только прибыли в Гоцзыцзянь, и у вас наверняка полно хлопот с обустройством. Сегодня проверять чтение не станем, ступайте отдыхать. Завтра встать ровно в час Кролика, а в начале часа Дракона всем расходиться по лекционным залам в соответствии со своим канонем из Пятикнижия и слушать лекции докторов наук.

Шестеро новичков поднялись, высказали благодарность и вереницей потянулись к выходу. Ли Чжэнь раскрыл журнал, чтобы взглянуть на имена, и, увидев на последней строчке имя «Цуй Се», вскинул голову и едва не вскочил с места:

Да это же первенствовавший на трёх малых экзаменах в Юнпинской управе, тот самый вундеркинд, которого сам император отправил учиться в столицу?!

Ему казалось, что прославившийся с юных лет юноша должен быть хоть немного высокомерным, а Цуй Се оказался таким утончённым и приятным книжником! Интересно, каковы его таланты и сможет ли он сравниться с шестнадцатилетним цзеюань Фэем — Фэй Хуном, поступившим в Гоцзыцзянь в прошлом месяце?

Ли Чжэнь сам родом из Бэйчжили и в глубине души надеялся, что земляк превзойдёт цзеюань Фэя из Цзянси. Однако традиции учёности в Бэйчжили и Цзянси разительно отличались. И

пусть Цуй Се трижды становился первым на малых экзаменах, он всё же оставался лишь шэньюанем, так что состязаться с Фэй Хуном, имеющим звание цзюйжэня, ему будет нелегко.

Он тихо вздохнул про себя и вернулся к чтению.

Новоприбывшие вместе вышли за ворота Гоцзыцзяня. Пятеро направились к внешним общежитиям, и лишь Цуй Се у ворот уже поджидали. Попрощавшись с ними со сложенными у груди руками, он сказал:

— Я приходящий студент, так что вынужден расстаться с вами, друзья.

Остальные с изумлением смотрели ему вслед, пока он шёл по улице, а затем принялись переговариваться:

— Разве он не приписан к нашей комнате? Почему же пошёл один?

— Слышал я, будто семейным разрешено жить в другом месте. Может, он привёз с собой жену на время учёбы?

— Не забывайте, он ведь обучается по императорской милости! Понятное дело, не сравнить с нами, поступившими по выслуге. Должно быть, отпрыск какого-нибудь знатного рода, и усадьба у него неподалёку, вот и ходит ночевать домой.

Им, тридцати-сорокалетним мужам, у которых дома остались семьи, хозяйства, дети и племянники, приходилось ютиться в тесных общежитиях, а этот шестнадцатилетний юнец уже владел домом и уходил спать в родные стены!

Они с завистью глядели ему вслед, убеждённые, что дома его ждёт чарующая красавица, скрашивающая ночные занятия. Вот только никакой красавицы у него и в помине не было, а дома его встретили исключительно мужчины зрелых и преклонных лет: переодевшись и засвидетельствовав почтение дедушке с бабушкой, Цуй Се принял главного управляющего Цуй Ляндуна. Тот принёс ему книги счетоводства по трём столичным лавкам, а также поместьям в пригороде столицы и в Цзяньани, приведя с собой и приказчиков из лавок, дабы те ожидали распоряжений молодого хозяина.

<http://bllate.org/book/18372/1761344>